

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148
УДК 316.334.2(045)

Модели социальных агентов в современном управленческом поле

К.Э. Гусейнова

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья является постановочной и призвана найти теоретико-методологические основания для выявления и анализа унифицированных факторов, способствующих организации эффективного коммуникативного пространства управления в регионах России. В статье представлена систематизация подходов к пониманию социального агента в социологии. Приведены словарные толкования терминов «агент» и «актор», которые в научной литературе часто являются взаимозаменяемыми понятиями. С помощью теоретического анализа работ зарубежных ученых были выделены три унифицированные модели интерпретации социального агента (индивидуальный актер; коллективный актер (субъект); индивидуальный актер или коллективный субъект — промежуточный тип). Разработанная типология применяется для анализа современных агентов (практиков) управления, участвующих в разработке и реализации государственных стратегических программ (Стратегия научно-технологического развития, Национальные проекты и проч.). Описанные модели взаимодействия социальных агентов способствуют более глубокому пониманию механизмов формирования коммуникативного пространства управления, а также процессов унификации и разнообразия, лежащих в основе организации и формирования его структуры. Статья предлагает методологический подход к анализу свойств практиков современного поля управления. На основе качественного анализа официальных документов выявлены и унифицированы ключевые характеристики управленцев как социальных агентов, с помощью которых можно сделать предварительные выводы об их роли в процессах стратегического и пространственного развития России. Используемый методологический подход к анализу свойств социальных агентов позволит в дальнейшем оценить, в какую сторону будет направлен вектор региональной управленческой практики, будет ли он способствовать стандартизации управленческих стратегий на территории Российской Федерации. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшего исследования региональных особенностей, в том числе социокультурных, для более полного понимания данной проблемы.

Ключевые слова: социальный агент; свойства социального агента; индивидуальный актер; коллективный субъект; унификация; коммуникативное пространство управления; национальные проекты; контент-анализ

Для цитирования: Гусейнова К.Э. Модели социальных агентов в современном управленческом поле. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):135-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148

ORIGINAL PAPER

The Models of Social Agents in the Modern Management Field

K.E. Guseynova

Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is staged and designed to find theoretical and methodological grounds for identifying and analyzing unified factors that contribute to the organization of an effective communication management space in the regions of Russia. The article systematizes existing sociological approaches to the concept of the social agent. It provides dictionary definitions of terms “agent” and “actor”, which are often used interchangeably in academic literature. Through a theoretical analysis of works by international scientists there were identified three unified models of the social agent: the individual actor; the collective actor (subject); an intermediate type combining individual and collective aspects. This typology is applied to analyze contemporary managerial agents (practitioners) involved in the development and implementation of strategic

state programs (the Strategy for Scientific and Technological Development, National Projects, etc.). The described models of social agent interaction contribute to a deeper understanding of the mechanisms forming the communicative space of management, as well as processes of unification and diversification in organization and formation of its structure. This article proposes a methodological approach to analyzing the properties of practitioners in the contemporary field of management. Based on a qualitative analysis of official documents, key characteristics of managers as social agents have been identified and unified, allowing preliminary conclusions about their role in the processes of strategic and spatial development of Russia. This article's methodology for analyzing the properties of the social agents provides a foundation for future research assessing the potential standardization of management strategies across Russia. The authors emphasize the need for further research into regional characteristics, including sociocultural ones, for a more complete understanding of this issue.

Keywords: social agent; properties of a social agent; individual actor; collective subject; unification; communicative management space; national projects; content analysis

For citation: Guseynova K.E. The models of social agents in the modern management field. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):135-148. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-135-148

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество представляет собой насыщенное социальное пространство, функционирование которого зависит от множества факторов: исторических, культурных, экономических, политических и проч. Пространство становится коммуникативным тогда, когда его участники вступают во взаимодействие друг с другом. Будучи деятельностными субъектами, наделенными властью изменять окружающую их реальность, индивиды становятся социально активными личностями — агентами.

В условиях реализации проектов, направленных на масштабное развитие России по множеству направлений (Стратегия научно-технологического развития, Национальные проекты, Федеральные программы и проч.), возникает особая необходимость в построении эффективного коммуникативного пространства между государством и гражданским обществом, представленным различными группами (бизнесом, наукой, общественностью и проч.).

Разработка и реализация государственных программ подобного рода требует активного включения социальных агентов, т.е. заинтересованных участников, в практику решения управленческих задач. Отсутствие эффективного диалога между агентами, к числу которых авторы также относят и государственные структуры, может привести к низкой эффективности реализации программ и недоверию власти со стороны населения [1]. В этом заключается особая значимость социальных агентов в коммуникативном пространстве управления.

С позиции социологии управления термин «социальные агенты» может быть отождествлен с термином «субъекты управления», к числу которых в данной статье относятся: федеральные

органы власти, региональные органы власти, органы местного самоуправления, представители науки и образования, бизнеса, общественных организаций и проч. Включение перечисленных участников в процесс реализации национальных проектов способствует преобразованию социальной реальности, эффект от которой (как положительный, так и отрицательный) больше всего коснется жителей регионов.

В связи с этим особая значимость видится в решении вопросов, касающихся определения ключевой роли социальных агентов в процессе разработки и реализации государственных программ, а также степени их влияния на процесс принятия решений. Поиск научно обоснованного ответа на поставленные вопросы невозможен без выявления, анализа и типологии свойств социальных агентов.

В научной литературе термин «агент» часто отождествляют с понятием «актор». Так, например, в Большом толковом социологическом словаре оба эти термина означают «действующие социальные субъекты, а иногда также организации и институты»¹. Схожей позиции придерживался Н.И. Лапин в своей работе по анализу процессов инновационной деятельности. Он утверждал, что активным участником может быть конкретный человек, группа или целая организация, выполняющая те или иные функции. Таким образом, любой участник процесса обретает статус актора (агента)².

Существуют определения, которые четко разграничивают смысловое содержание данных

¹ Большой толковый социологический словарь. URL: [https://gufo.me/dict/social_dict/Агенты_\(акторы\)](https://gufo.me/dict/social_dict/Агенты_(акторы))

² Лапин Н.И., Карачаровский В.В. Теория и практика инноватики. Учебник для вузов. 2-е издание. Москва: Издательство Юрайт; 2019. 350 с.

понятий. В качестве примера можно привести такое понятие, как субъект трудовой деятельности, качественная трансформация которого привела к тому, что на смену актору — «исполнителю заданной социальной функции»³ пришел агент — субъект, провоцирующий социальные изменения»⁴.

Отечественный социолог В. А. Ядов считал, что агентом (субъектом трудовой деятельности) может быть как один человек, так и целая группа, оказывающая влияние или даже являясь источником социальных процессов. «В этом смысле он является рационально действующим, мотивированным и обладающим необходимыми ресурсами: знаниями и навыками для выполнения трудовых функций»⁵. Таким образом, основная разница между актором и агентом заключается в том, что первый исполняет заданную ему социальную роль или функцию, а второй является источником и трансформатором социальных процессов.

С другой стороны, в словаре под редакцией С. А. Кравченко агент определяется как «социально активная личность»⁶, в то время как актор является «активно действующим индивидом, способным влиять на социальные реалии, преобразовывая их», является «действующей личностью, способной к реализации той или иной власти»⁷. Приведенные словарные определения по сути своей являются противоположными и могут вызвать затруднения у ученого, стремящегося к терминологической определенности и чистоте использования конкретных понятий.

Для избежания смысловой путаницы в данной статье термины «агент» и «актор» будут рассматриваться как тождественные понятия.

К ВОПРОСУ О РАЗНООБРАЗИИ СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ

В книге Джорджа Ритцера «Современные социологические теории» (2002) представлен анализ концепций, оказавших влияние на историческое становление социологии как научной дисциплины.

Автор делает особый акцент на различиях, которые наблюдаются в теоретических конструктах американских и европейских ученых XX в. Одним из оснований, которое он приводит в качестве примера, заключается в объяснении природы социального агента — вопрос, который, по словам автора, является камнем преткновения между западными учеными, занимающимися изучением вопроса структуры и действия. Так, агентом социальной жизни одни ученые видят индивидуального актора, вторые — коллективное образование, третьи занимают промежуточную позицию, утверждая, что социальным агентом могут быть либо те, либо другие [2].

На основании данной типологии авторами статьи был осуществлен анализ свойств коммуникативных социальных агентов, выявленных в теориях классиков социологии.

В научной литературе можно найти множество работ, в которых понятие «социальный агент» трактуется с точки зрения *индивидуального актора* (Г. Зиммель, П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и др.). Например, Георг Зиммель рассматривал его в контексте взаимодействия внутри физически существующего социального пространства [3]. Каждый находящийся в нем объект, в силу своей материальной природы, обладает уникальными свойствами. Актор (или агент — в терминологии Зиммеля) является автономным субъектом, и его участие в объединении с другими является добровольным и основывается на схожести интересов. Осознанность подобного взаимодействия, а также желание достичь общих целей приводит к усилению коммуникации внутри пространства. Немаловажную роль в пространственной идентификации играют границы, социальная и физическая характеристика которых определяет дистанцию между акторами⁸ в зависимости от конкретной ситуации [4].

Основу структуралистско-конструктивистского подхода П. Бурдьё составляет анализ отдельных индивидов (акторов), существующих в том или ином социально сконструированном пространстве. В отличие от Зиммеля, ученый не настаивает на физической природе пространства. Позиция каждого актора определяется наличием капиталов различного типа, среди которых экономический считается наиболее значительным и власть

³ Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. В. А. Ядов, ред. Санкт-Петербург: Наука; 2006. 426 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей М.: РУССО; 2002. 512 с.

⁷ Там же.

⁸ Ярская В. Н. и др. Пространство и время социальных изменений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та; 2004. 280 с.

определяющим [5, 6], а также зависит от имеющихся ментальных структур и практик, посредством которых он взаимодействует в обществе. В представлении П. Бурдье нахождение актора в том или ином социальном пространстве, т.е. дистанция по отношению к другим участникам, обусловлена его готовностью к взаимодействию, а относительная свобода опосредована выбором стратегии для достижения конкретных целей [7], которая, в свою очередь, зависит от габитуса. Однако следует добавить, что в понимании Бурдье стратегия не является целенаправленным, обдуманном заранее процессом, а скорее упорядоченными, «объективно ориентированными линиями действия» [8].

Некоторые различия в трактовке социального агента как индивидуального актора можно встретить у Энтони Гидденса. В отличие от того же Бурдье, его социальный агент представляется интенционально (т.е. осознанно) действующей личностью, что объясняется имеющейся у него возможностью предвидеть последствия своих действий [9]. При этом полный контроль совершенных действий для него является недоступным, поскольку ограничен контекстом [10], в зависимости от которого агенты адаптируют свою идентичность, поскольку он может влиять на характер их взаимодействия в социальном пространстве [11]. Интенция, т.е. смысл последствий от принятых решений агента, зависит от времени и удаленности пространства, в котором эти следствия реализуются. По мнению Гидденса, действие всегда связано с субъектом и предполагает обладание властью, максимальное использование которой, а именно личное воздействие и влияние на других, определяет существование самого агента и формирование структуры [10]. Утверждая, что агент не может существовать без структуры, а структура без агента, Гидденс тем самым указывает не только на ограничения, но и на преимущества такого подхода. Соответственно, власть для актора не является ресурсом, а возможностью для осуществления конкретного действия (практик) в пространстве.

Противоположную так называемой «дуальности» Гидденса точку зрения выражает английский социолог Маргарет Арчер. По ее мнению, с точки зрения социологического анализа, было бы правильнее говорить о «дуализме» понятий *структура* и *агент*, поскольку такой подход помог бы оценить степень их взаимного влияния [12]. При

этом неочевидность их взаимосвязи М. Арчер видит в том, что агент сам по себе имеет субъективную природу, а структура — объективную [13].

Самостоятельную роль личности как осознанно действующего субъекта (актора) в своих работах отстаивал Юрген Хабермас. Основу любого коммуникативного действия [14], считал он, составляет процесс развития взаимопонимания и согласованности взглядов, так называемая коммуникативная рациональность [15]. Вступая во взаимодействие, актер руководствуется неким рациональным планом, соответствующим конкретной ситуации и достижению определенных целей [16], а также предположением о том, что его действия будут понятны окружающим [14].

Второе основание для типологии видов социального агента заключается в представлении последнего в качестве *коллективного субъекта*. Подобной позиции придерживался французский социолог Ален Турен. В своих работах ученый использовал такие понятия, как общественные движения и социальные классы, утверждая, что исторические и культурные тенденции способны изменить образ коллективного субъекта. Коллективное действующее лицо, в понимании ученого, включено в постоянный общественный конфликт [17]. При этом оно представляет собой совокупность ролей и способно управлять обществом за счет высокого уровня историчности и самосознания [17].

Среди классиков социологии можно найти и тех, кто занимает промежуточную позицию относительно природы социального агента (И. Гофман, Т. Бернс и др.). К примеру, Том Р. Бернс и Елена Флэм сосредоточены не столько на деятелях, сколько на структурах, рассматривая в качестве последних систему социальных правил, поскольку именно они регулируют и организуют социальную деятельность [18]. Существующие правила являются объективными в человеческом восприятии и поддерживаются за счет социальных санкций. Сама система правил формируется и трансформируется под воздействием индивидов [19].

Ирвинг Гофман рассматривал взаимодействие индивидов с учетом их повседневных практик. В своем эссе, посвященном анализу «фреймов» [20], определяющих смысловые форматы повседневного общения, Гофман говорит о том, что помимо пространственного размещения акторов

и определения границ необходимо учитывать процесс и особенности коммуникации в том или ином пространстве.

Деятельность акторов, в интерпретации В.А. Ядова, обусловлена их фреймами, воздействие на которые оказывает расстановка ролей в пространстве и способы интерпретации событий его участниками [21]. Согласно теории Гофмана, границы любого социального пространства структурируются относительно роли актора, которую он играет на так называемом публичном «переднем плане» (авансцене) с целью создания благоприятного впечатления. Таким образом, он демонстрирует свое соответствие господствующим в обществе (пространстве) социальным нормам и стандартам. При этом значимость актора зависит от его самоидентификации, от того, какую роль он начинает играть в той или иной ситуации, от адаптации к условиям «здесь и сейчас». При помощи различных декораций создается внешний публичный образ, «картинка» как результат скрытой «закулисной игры» [22], в которой сохранение дистанции помогает скрывать определенные мотивы и усиливать эффект от показательных действий.

С другой стороны, В.А. Ядов считал, что «вместо индивидуальных акторов как расчетливых игроков, преследующих свои выгоды, Гофман рассматривает всех участников взаимодействия как хранителей ситуаций межличностного взаимодействия. Основной мотив поведения заключается в данном случае не в максимизации личной выгоды, а в укреплении социальных ситуаций» [23].

СВОЙСТВА СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ

На основе описанных концепций можно дать описание трех моделей социальных агентов.

К первой модели (I), в которой социальный агент рассматривается как *индивидуальный актор*, можно отнести следующие свойства:

1. *Агентность* (интенциональность, осознанность) — апеллирует к целенаправленности и осмысленности нахождения актора в социальном пространстве. Его действия интенциональны, опосредованы относительной автономностью в выборе стратегий поведения, основаны на понимании своих целей и предвидении возможных последствий (осознанность). Агентный подход подчеркивает активную роль актора в формировании социального пространства, его способность

влиять на ситуацию и изменять ее в соответствии со своими целями и представлениями.

2. *Социальный капитал* (ресурс, статус, власть) — набор доступных возможностей и ресурсов, определяющих положение и степень влияния актора в социальном пространстве. К материальным ресурсам можно отнести наличие собственности, к нематериальным — социальные связи, доступ к информации, престиж и проч. При этом власть позволяет актору влиять на социальные процессы и формировать структуру социального пространства. Высокий уровень капитала обеспечивает актору более выгодное положение, широкий доступ к возможностям для достижения своих целей. В то же время капитал может изменяться в зависимости от социальных процессов и действий самого актора.

3. *Взаимодействие, опосредованное контекстом* (социальные границы, практики) — действия акторов по отношению друг к другу не являются случайными, они формируются в рамках специфических условий (социального контекста), определяющих их возможности и (или) ограничения. Помимо согласованности взглядов и схожести интересов, характер взаимодействия социальных акторов зависит от их дистанции и осуществляемых социальных практик. Дистанция представляет собой не только физические, но и социальные границы (статус, роль), так как близость может способствовать сотрудничеству, удаленность — конкуренции или игнорированию. Поддержание социальных связей на определенном уровне дистанции, равно как и способность к кооперации или конкуренции, во многом зависят от усвоенных актором социальных практик, которые даже при схожести интересов и близости в пространстве могут привести к разным формам взаимодействия.

4. *Взаимозависимость* (с социальной структурой и другими акторами) — актор зависит от социального пространства, а пространство от актора. Каждый из них способен оказывать на другого конструктивное или деструктивное воздействие.

Ко второй модели (II), в которой социальный агент рассматривается как *коллективный субъект*, можно отнести следующие свойства: *динамичность, самоорганизация, коллективная идентичность, внутренняя дифференциация*. Таким образом, коллективный субъект может представлять собой сложную динамичную структуру,

трансформирующуюся под воздействием различных факторов, в том числе социокультурных. Такой субъект способен оказывать влияние на различные процессы, происходящие в социальном пространстве (включая негативные), формировать общественное мнение, что обусловлено его внутренней сложностью и разнообразием имеющихся ролей. Будучи активным агентом социальных изменений, он обладает самосознанием и пониманием собственной роли в обществе, а также способностью к самоорганизации и трансформации.

Третья модель (III), в которой социальный агент рассматривается с *промежуточной позиции*, позволяет выделить иные основания для типологии свойств: 1) агенты как участники и хранители социальных структур, 2) агенты как «актеры» в повседневных практиках.

В первом случае речь идет о регуляции как о способности агентов (как индивидуальных, так и коллективных) не только действовать в рамках существующих объективно признанных социальных правил, но и активно участвовать в их создании, изменении и поддержании. Во втором — о способности социальных агентов к целенаправленному формированию представления о себе и своем месте в социальном пространстве с учетом определенного контекста и заданных целей, которое они создают с помощью:

- адаптации своих действий относительно конкретной ситуации, характера взаимодействия, изменения обстановки и реакции других агентов;
- регулирования внешнего образа посредством латентных (скрытых) мотивов и демонстрации необходимых качеств;
- самоидентификации и понимания смыслового контекста, в рамках которого существует пространство.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Для авторов данной статьи особый интерес представляет положение «дискурсивной этики» [24] Ю. Хабермаса, подробный анализ которой представлен им в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие».

Описывая концептуальные основания своей теории с позиции аргументации и соучастия, ученый также анализирует подход немецкого социолога Эрнста Тугендхата, согласно кото-

рому одной из основных коммуникативных задач, имеющих место в процессе обсуждения какого-либо вопроса, является оценка того, насколько принятые или утвержденные нормы для реализации определенных действий являются подходящими для каждого из участников социального пространства [24]. Включение агентов в коммуникативное пространство управления обязывает их находить общее основание для решения коллективных задач. Значимость данного утверждения подтверждается тем, что реализация национальных проектов — это управленческое решение, обладающее, как было сказано ранее, значительным социальным эффектом. Обсуждение подобных проектов должно охватывать максимальный круг проблем. Процесс взаимного убеждения в том, что выбранный способ действия соответствует интересам каждого участника, согласно Ю. Хабермасу, называется «практическим дискурсом» [24].

Если процесс обсуждения сопровождается достаточной аргументацией, с учетом индивидуальных намерений и равноправных возможностей каждого агента, то принятый способ действия (норму) можно считать оправданным, т.е. рационально обоснованным. Данное утверждение справедливо, если обсуждение осуществляется в условиях, не оказывающих влияния на свободное высказывание любого мнения, основанного на личной воле участника [24]. По мнению Э. Тугендхата, правила обсуждения, установленные в коммуникативном пространстве, с учетом перечисленных особенностей, способствуют организации диалога, свободного от моральных и политических установок, а также достижению «властного равновесия» [25].

Следует отметить критические замечания Хабермаса в отношении описанного подхода. Авторы статьи согласны с тем, что на основании одного лишь «властного равновесия» невозможно выбрать решение, которое в равной степени удовлетворяло бы интересы всех агентов. При этом стремление к взаимодействию и согласованности взглядов, а также ясность в понимании общего интереса по-прежнему важны для качественной коммуникации, поскольку без нее было бы невозможно упорядочить действия агентов внутри социального пространства [26].

Исходя из всего вышеперечисленного и взяв во внимание описанные выше модели, перейдем к выявлению и описанию ключевых агентов

современного коммуникативного пространства управления.

Для более глубокого понимания роли и выявления характеристик социальных агентов, участвующих в разработке и реализации государственных программ (стратегия научно-технологического развития, национальные проекты), был использован метод контент-анализа официальных документов.

1. Для обеспечения согласованного взаимодействия органов федеральной и региональной власти в части научно-технологического развития страны была создана специальная комиссия, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁹ (далее — Комиссия НТР), в состав которой, помимо властных структур, вошли представители науки (в том числе Российская академия наук, далее — РАН), бизнеса, государственных корпораций, фондов поддержки и проч. Основная задача работы комиссии заключается в контроле за обеспечением согласованных действий участников в процессе разработки и реализации государственной научно-технологической политики¹⁰.

За последние три года состав комиссии утверждался четыре раза, каждый раз в него входило 47 участников. Таким образом, был собран и проанализирован массив из 141 участника, каждый из которых был отнесен к соответствующей категории: государственные корпорации, федеральные органы власти, региональные органы власти, венчурные фонды, научные организации, бизнес-организации.

2. Вторым документом, выбранным для качественного анализа данных, стало Постановление Правительства РФ от 10.07.2020 № 1019¹¹, устанавливающее порядок организации и функционирования проектной деятельности. Цель его создания — повышение эффективности управления национальными проектами и обеспечение достижения поставленных задач. Документ определяет зону ответственности участников государственных проектов (национальные, федеральные),

а также механизмы мониторинга и контроля реализации принятых управленческих решений. Постановление регламентирует взаимодействие между участниками проектной деятельности, определяет их полномочия и функции.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Научное и экспертное обеспечение работы Комиссии НТР осуществляется научно-техническим советом под руководством президента РАН, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.05.2024 № 646 «Об утверждении Положения о научно-техническом совете Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации». В документе подробно описаны функции совета, его предназначение и зоны ответственности. Особый акцент сделан на необходимости обновления трети состава каждые два года. «Состав Совета формируется из числа ведущих ученых по приоритетам научно-технологического развития и представителей организаций реального сектора экономики, заинтересованных в использовании научных, научно-технических результатов по приоритетам научно-технологического развития»¹². Помимо этой информации других качественных данных относительно участников совета в документе не представлено.

Теперь рассмотрим, какова доля каждого из агентов, участвующих в реализации государственной политики в области научно-технологического развития. Как видно из рисунка, практически половина комиссии (49%) состоит из представителей органов федеральной власти (Аппарат правительства, отраслевые министерства, Совет Федераций, Совет Безопасности, Государственная Дума и проч.). На втором месте (21%) следуют представители научных и образовательных организаций (в том числе РАН, НИЦ Курчатовский институт, РНФ и проч.). В значительно меньшей степени в комиссии представлены органы государственной власти регионов — 11% (губернаторы Московской, Калининградской, Новосибирской, Томской, Новгородской областей, президент Республики Татарстан), участники из сферы бизнеса — 9% («Сбербанк России», «Газпром нефть» и др.), государственные корпорации — 6% («Ростех», «Роснано», «Росатом»).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>

¹⁰ URL: <https://rcsi.science/activity/komissiya-po-ntr/>

¹¹ URL: <http://government.ru/docs/all/128983/>

¹² <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409001038/>

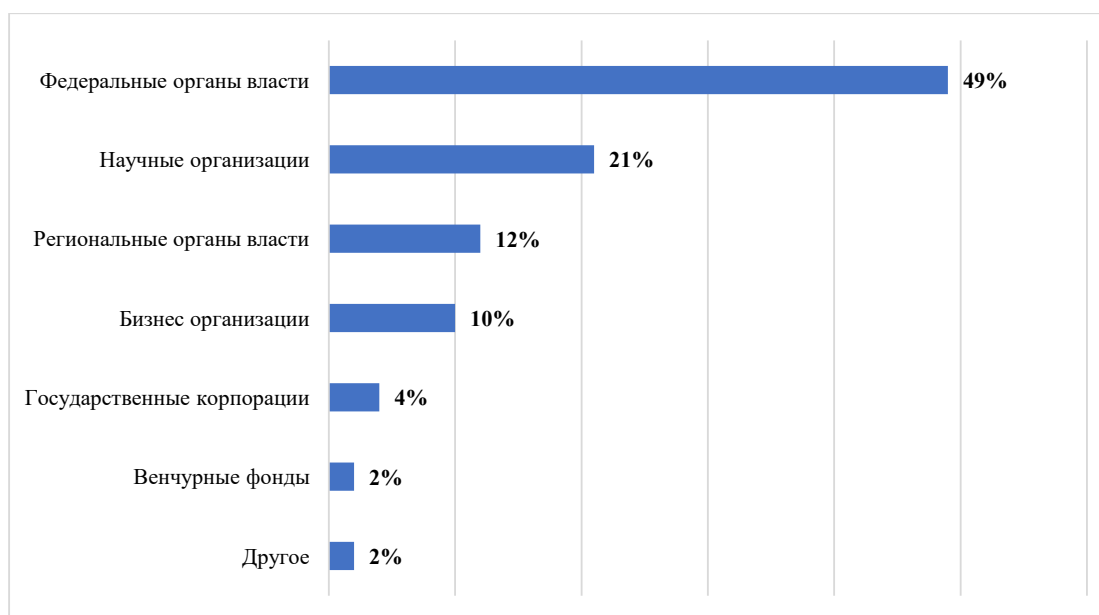

Рис. / Fig. Участники комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации / **Members of the Commission for Scientific and Technological Development of the Russian Federation**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Федеральная власть и наука представлены в комиссии в качестве постоянных членов, участие остальных агентов, за небольшим исключением, каждый раз требует дополнительного согласования. На этом основании мы можем сделать следующий вывод: федеральные органы власти и научное сообщество являются социальными агентами, проявляющими признаки коллективного субъекта. Обладая ярко выраженной статусной идентичностью, они способны оказывать влияние на формирование общественного мнения и вызывать социальные изменения. Данный фактор является определяющим в вопросе их унификации.

Несмотря на низкий уровень представительства государственных корпораций, их роль также является значительной и неизменной. Корпорации, входящие в состав Комиссии НТР, занимаются развитием ключевых секторов российской экономики: оборонно-промышленный комплекс и высокие технологии («Ростех»), инвестирование нанотехнологий и инновационных проектов («Роснано»), развитие ядерной энергетики и сопутствующих технологий («Росатом»).

Вместе с другими категориями участников, включая органы региональной власти субъектов Российской Федерации, они являются социальными агентами с выраженными индивидуаль-

ными признаками. Их роль в составе Комиссии НТР во многом опосредована наличием определенных ресурсов и капиталов, четко определены границы их целерациональной деятельности, а взаимодействие с другими участниками является интенциональным и осознанным.

Теперь перейдем к анализу документа, созданного с целью повышения эффективности управления национальными проектами и обеспечения достижения поставленных задач. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 10.07.2020 № 1019, функциональную структуру проектной деятельности в России составляют следующие участники:

1. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.
2. Проектный комитет.
3. Проектный офис Правительства Российской Федерации.
4. Министерство экономического развития Российской Федерации.
5. Ведомственный проектный офис.
6. Проектный офис субъекта Российской Федерации.
7. Руководитель национального проекта, руководитель федерального проекта.
8. Администратор национального проекта, администратор федерального проекта.

Таблица / Table

Агенты реализации государственных программ и типология их свойств в соответствие с выраженным типом социального агента / Agents for the implementation of state programs and the typology of their properties in accordance with the expressed type of social agent

I Модель (индивидуальный актор)	II Модель (коллективный субъект)	III Модель (промежуточная позиция)
Проектный офис субъекта Российской Федерации (региональный проектный офис)		
1. Осуществляет самостоятельный мониторинг и анализ данных 2. Осуществляет индивидуальную экспертизу, способен стандартизировать необходимые процедуры 3. Организует коммуникацию (взаимодействие) между региональным и федеральным уровнем власти	1. Проявляет способность к организации совместной работы и взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными уровнями власти. 2. Несет коллективную ответственность посредством участия и оценки мероприятий, осуществляемых в рамках проекта. 3. Оказывает косвенное воздействие на принятие управленческих решений на федеральном уровне (посредством анализа и внесения предложений). 4. Оказывает косвенное воздействие на принятие управленческих решений на региональном уровне (за счет поддержки деятельности коллегиальных органов)	1. Синтезирует индивидуальные навыки и компетенции участников для достижения коллективных целей
Руководитель национального или федерального проекта		
1. Проявляет способность к стратегическому планированию и принятию управленческих решений 2. Несет индивидуальную ответственность за реализацию проекта и достоверность данных	1. Осуществляет функции координации и управления коллективом 2. Проявляет коллективную ответственность за транслирование интересов других участников 3. Осуществляет коллективное стратегическое планирование	1. Обладает способностью к адаптации и быстрому реагированию на изменения обстоятельств
Администратор национального или федерального проекта		
1. Осуществляет функцию координации участников и мероприятий 2. Несет индивидуальную ответственность за мониторинг процессов реализации проекта 3. Несет индивидуальную ответственность за соблюдение стандартов и процедур	1. Проявляет коллективную ответственность за транслирование интересов других участников 2. Обеспечивает взаимодействие и координацию работы участников проекта 3. Оказывает косвенное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. Выступает как организатор и координатор коллективной работы, несет индивидуальную ответственность за коллективные цели проекта

I Модель (индивидуальный актор)	II Модель (коллективный субъект)	III Модель (промежуточная позиция)
Участники национального и федерального проекта		
1. Проявляют инициативу и вносят рациональные предложения по достижению целей проектов (индивидуальная ответственность и контроль) 2. Проявляют индивидуальную ответственность и осуществляют контроль за достоверностью представленной информации	1. Проявляют коллективную мобилизацию и координацию общих действий в рамках проекта 2. Проявляют коллективную идентичность за счет транслирования интересов своих групп, организаций 3. Оказывают коллективное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. Проявляют способность к адаптации и быстрой реакции на поступающие внешние изменения 2. Предоставляют информацию, которая может быть индивидуальным намерением, либо выражением коллективной позиции организации или группы, которую они представляют
Общественно-экспертный совет		
1. Осуществляет независимую оценку и предлагают рекомендации на основании индивидуальных знаний и опыта 2. Проявляет активную позицию посредством внесения предложений по улучшению реализации проекта (внесение интеллектуального вклада) 3. Проявляют индивидуальную ответственность посредством участия в мониторинге и контроле за исполнением задач проекта	1. Осуществляет коллективную экспертизу и формируют общую обоснованную позицию 2. Оказывает коллективное воздействие на процесс принятия решений 3. Способствует легитимности процесса разработки и реализации проектов за счет учета мнений независимых экспертов	1. Стремится к достижению коллективных целей посредством объединения членов совета и учета их индивидуального вклада
Центр компетенций проектной деятельности		
1. Вносит индивидуальный аналитический вклад посредством независимой экспертизы и анализа реализации проектов 2. Проявляет проактивную позицию и способность к инициативе 3. Проявляет индивидуальную способность к обучению консультированию	1. Формирует коллективное знание и разрабатывает обоснованные рекомендации посредством объединения экспертов разных профилей 2. Осуществляет коллективную деятельность, направленную на унификацию подходов к разработке и реализации проектов посредством разработки методических указаний и рекомендаций 3. Оказывают коллективное влияние на принятие управленческих решений на более высоких уровнях власти	1. синтезирует индивидуальный вклад экспертов в коллективные решения и рекомендации

Источник / Source: составлено автором / Compiled by the author.

9. Участники национальных и федеральных проектов.

10. Общественно-экспертный совет.

11. Центр компетенций проектной деятельности.

12. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Основная задача на данном этапе заключается в оценке функциональной деятельности участников реализации государственных программ, а также выявление на их основе свойств социальных агентов.

В процессе анализа данных было решено изучить свойства лишь 6 из 12 участников, а именно: регионального проектного офиса, руководителя национального или федерального проекта, администратора национального или федерального проекта, участников национального или федерального проекта, общественно-экспертного совета и центра компетенций проектной деятельности. Их взаимодействие в рамках реализации государственных программ происходит на уровне региональных и муниципальных органов власти, что дает нам возможность для более детального анализа управленческих практик в регионах, выявления их сходств и различий в будущем.

Качественный анализ данных позволил составить типологию свойств социальных агентов в соответствии с тремя описанными ранее моделями (см. *таблицу*).

На основании *таблицы* мы можем сделать следующие выводы:

1) в деятельности регионального проектного офиса, общественно-экспертного совета и центра компетенций проектной деятельности прослеживается тесная взаимосвязь между моделями индивидуального и коллективного типа. Фактором, способствующим эффективной реализации государственных проектов и достижения поставленных задач, является синтез индивидуальных ресурсов и навыков, направленный на поиск коллективных решений;

2) в случае с руководителем проекта наблюдается ярко выраженный коллективный тип социального агента. Будучи ключевой фигурой, участвующей в координации работы значительного числа участников, он также является ответственным за достижение коллективных целей. При этом многие из осуществляемых им функций требуют проявления осознанности и мобилизации личностных ресурсов;

3) в деятельности администратора государственного проекта граница между индивидуальными и коллективными формами взаимодействия является довольно размытой. С одной стороны, он выступает организатором, и даже координатором работы коллектива, с другой — несет индивидуальную ответственность за многие аспекты реализации проекта. То же самое касается и деятельности отдельных участников. Отдельные функции, которые они выполняют в рамках реализации проекта, могут быть проявлением ответственности как одного человека, так и целой группы.

ВЫВОДЫ

Задача, стоящая перед авторами, заключалась в поиске методологических оснований для анализа свойств социальных агентов, занятых в современном практическом поле управления. Для этого был проанализирован значительный пласт работ западных ученых, с помощью чего удалось дифференцировать индикаторы, способствующие формированию моделей социального агента.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать ключевые характеристики социальных агентов, задействованных в реализации государственных программ стратегического развития России. Посредством качественного анализа официальных документов были выделены три модели социальных агентов: индивидуальный актор, коллективный субъект и промежуточный тип.

Выявленные свойства агентов (автономность, социальный капитал, взаимодействие, опосредованное социальными контекстами, стратегическое планирование и проч.) позволяют сделать вывод о том, что эффективность реализации государственных программ зависит от способности к коллективной работе, синтеза индивидуальных ресурсов и навыков. В связи с этим дальнейший фокус исследований должен быть направлен на более глубокий анализ взаимодействия различных социальных агентов управления, деятельность которых осуществляется в конкретных региональных условиях, в том числе с учетом социокультурных особенностей территорий и выявления наиболее острых социальных проблем. Это поможет оценить потенциал стандартизации управленческих практик и выявить факторы, способствующие как унификации, так и дифференциации управленческих стратегий в регионах России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шилова В.А., Гусейнова К.Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства. *Вопросы управления*. 2023;17(6):84–98. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-6-84-98
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 688 с.
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt M.: Suhrkamp; 1992.
4. Власюк Г.В. Пространство социальной организации. *Преподаватель XXI век*. 2012;3(2):364–378. <https://www.elibrary.ru/pxbktv>
5. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва: SocioLogos; 1993. 336 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства. Пер. с франц. Н.А. Шматко. Москва: Алетея; 2007. 288 с.
7. Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and leisure. New York: Columbia University Press; 1993.
8. Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press; 1992.
9. Климов И.А. Социологическая концепция Энтони Гидденса. *Социологический журнал*. 2000;(1–2):121–149. <https://www.elibrary.ru/pzqkud>
10. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
11. Lobo I., Dimas J., Mascarenhas S., Rato D., Prada R. When “I” Becomes “We”: Modelling dynamic identity on autonomous agents. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2023;26(3)9. DOI: 10.18564/jasss.5146
12. Archer M.S. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 354 p.
13. Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 370 p. DOI: 10.1017/CBO9781139087315.001
14. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Пер. с нем. А.К. Судакова. Москва: Весь мир; 2022. 878 с.
15. Линде А.Н. Сохранение личности в информационных обществах: применение подхода Ю. Хабермаса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2019;12(2):114–133. DOI: 10.21638/spbu12.2019.201
16. Rovane C. Is group agency a social phenomenon. *Synthese*. 2019;196(12):4869–4898. DOI: 10.1007/S 11229-017-1384-1
17. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
18. Burns T.R., Machado N. Social rule system theory: Universal interaction grammars. *CIES e-Working Paper*. 2014;(175):1–13.
19. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Wiley-Blackwell, 1993; 368 p.
20. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. Москва: Институт социологии РАН; 2003. 752 с.
21. Ядов В.А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011;14(2):85–97.
22. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Пер. с англ. А.Д. Ковалева. Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле; 2000. 304 с.
23. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2001;(2):5–24. <https://www.elibrary.ru/bfesdx>
24. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. С.В. Шачина. Санкт-Петербург: Наука; 2001. 380 с.
25. Tugendhat E. Morality and communication. MS; 1981.
26. Гусейнова К.Э. Проблема организации коммуникативного пространства российских регионов в условиях реализации национального проекта «Наука». *Научный результат. Социология и управление*. 2020;6(4):169–183. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10

REFERENCES

1. Shilova V.A., Guseynova K.E. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues*. 2023;17(6):84–98. (In Russ.). DOI: 10.22394/2304-3369-2023-6-84-98
2. Ritzer G. Modern sociological theory. 5th ed. St. Petersburg: Piter, 2002; 688 p. (In Russ.).
3. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt M.: Suhrkamp; 1992.
4. Vlasjuk G.V. Social organization space. *Prepodavatel' XXI vek*. 2012;3(2):364–378. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/pxbktv>
5. Bourdieu P. Sociology of politics. Transl. from French. Moscow: SotsioLogos; 1993. 336 p. (In Russ.).
6. Bourdieu P. Sociology of social space. Transl. from French. Moscow: Aleteiya; 2007. 288 p. (In Russ.).
7. Bourdieu P. The field of cultural production: Essays on art and leisure. New York: Columbia University Press; 1993.
8. Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press; 1992.
9. Klimov I.A. The sociological concept of Anthony Giddens. *Sociological Journal*. 2000;(1–2):121–149. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/pzqkud>
10. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press; 1984.
11. Lobo I., Dimas J., Mascarenhas S., Rato D., Prada R. When “I” Becomes “We”: Modelling dynamic identity on autonomous agents. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2023;26(3)9. DOI: 10.18564/jasss.5146
12. Archer M.S. Realist social theory: The morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 354 p.
13. Archer M.S. Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; 370 p. DOI: 10.1017/CBO9781139087315.001
14. Habermas J. Communication activity theory. Transl. from German. Moscow: Ves' mir; 2022; 878 p. (In Russ.).
15. Linde A.N. The safekeeping of the personality in the information societies: The application of the approach of J. Habermas. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2019;12(2): 114–133. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2019.201
16. Rovane C. Is group agency a social phenomenon. *Synthese*. 2019;196(12):4869–4898. DOI: 10.1007/S 11229-017-1384-1
17. Touraine A. Return of the actor: Social theory in postindustrial society. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p. (In Russ.).
18. Burns T.R., Machado N. Social rule system theory: universal interaction grammars. *CIES e-Working Paper*. 2014;(175):1–13.
19. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Wiley-Blackwell, 1993. 368 p.
20. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. Transl. from English. G. S. Batygina, L.A. Kozlovoi. Moscow: Institute of sociology; 2003; 752 p. (In Russ.).
21. Yadov V.A. Trying to rethink Erving Goffman's framing concept. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2011;14(2):85–97. (In Russ.).
22. Goffman I. The presentation of self in everyday life. Transl. from English. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole; 2000. 304 p. (In Russ.).
23. Batygin G.S. The continuum of frames: The dramatic realism of Irving Hoffman. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. 2001;(2):5–24. (In Russ.). <https://www.elibrary.ru/bfesdx>
24. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. Transl. from German. St. Petersburg: Nauka; 2001. 380 p. (In Russ.).
25. Tugendhat E. Morality and communication. MS; 1981.
26. Guseynova K.E. The problem of organizing the communicative space of Russian regions in the context of the national science project. *Research Result. Sociology and management*. 2020;6(4):169–183. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ксения Эльдаровна Гусейнова — научный сотрудник, Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия

Ksenia E. Guseynova — Research Fellow, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7957-7317>

likseidar@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.